

Священномученик Петр Черевковский

Личность иерея Петра Черевковского неоднократно привлекала внимание красноборских краеведов. В разное время об этом местно чтимом святом писали С. И. Тупицын, П. Г. Зашихин, П. Н. Волков, С. С. Пузырев и другие. Все они пользовались лишь одним известным на то время источником: текстом труда священника Иоанна Петровича Верюжского «Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых церковью и местно чтимых», изданного в Вологде в 1880 году. Скучность информативной базы и сугубо атеистическое мировоззрение не позволило авторам рассмотреть поднятый ими вопрос во всех аспектах. Поэтому исследование данной темы не было полным и зачастую носило искаженный характер. Более того, под пером некоторых из названных краеведов родились новые легенды, не имевшие под собой каких-либо достаточно серьезных оснований. Мы задались целью расширить имеющиеся сведения о жизни и деяниях священномученика Петра путем привлечения для этого максимально возможного количества новых источников. Совокупное исследование всех имеющихся в нашем распоряжении материалов позволяет более детально конкретизировать некоторые моменты известного сказания и подтверждает реальность большинства из описанных в нем событий.

Исторические сведения о Петре Черевковском очень кратки и противоречивы. Согласно версии изложенной Иоанном Верюжским он был приходским священником Черевковской Никольской церкви и жил в конце XVI - начале XVII веков. В смутное для России время самозванцев в 1613 году толпа грабителей-ляхов неожиданно напала на Черевково и подвергла погост разграблению. Случилось это на второй день после праздника Праведного Прокопия Устюжского Чудотворца, т.е. 9 июля по православному стилю. В тот день «...иерей Петр, как служитель алтаря и верный хранитель, и защитник церковного имения, захвачен был злодеями в храме во время божественной литургии, в полном священническом облачении привязан к конскому хвосту и таким образом безжалостно влачимый по улицам, окончил страдальческую жизнь свою». Данная версия указанного события не является единственной. В XIX веке в народной памяти жил еще один вариант предания о гибели иерея Петра. Он подробно изложен в «Церковно-историческом и статистическом описании церковей Сольвычегодского уезда Вологодской епархии 1854 года». Благодичный священник Красноборской Спасской церкви Николай Васильевич Аксенов, подававший в Сольвычегодское духовное правление сведения о своем округе, сообщает буквально следующее: «Жития сего Святого мужа письменного не находится, а жители и почитатели сего Угодника все повествуют одинаково. Он был священник Черевковской церкви ... по совершении Божественной Литургии, как верный страж святыни и имения церковного захвачен был непросвещенной чудью, которая около тех времен производила разбой и грабеж на реке Двине, привязан к конскому хвосту и влачим по улицам, где и скончался мученической смертью. Коль скоро эта чудь удалена была, то любящие сего мужа похоронили при той же церкви с подобающею честью. Сколько лет жития его было и, когда скончался неизвестно». Подобной же версии о «разбойниках» подъехавших к Черевкову «на легких долбленых лодках» и убивших иерея Петра за то, что воспрепятствовал разграблению приходского храма, придерживается в своих «Воспоминаниях» и Александр Васильевич Кузнецов, изложивший предание, бытовавшее среди черевковцев в годы его детства. Он в частности сообщает, что иерея Петра трижды проволокли привязанным к конскому хвосту по Черевкову и бросили тело лишь тогда, когда на колокольный набат, поднятый церковными сторожами, стал собираться народ из окрестных деревень. Сегодня нельзя точно сказать, как развивались события в действительности и когда они происходили. Нам же более вероятной кажется версия Иоанна Верюжского, так как она связана с реальными историческими событиями, происходившими на Севере России в начале XVII столетия. Более того, ее подтверждает «Тропарь новоявленному Петру Черевковскому», содержащийся в

одном из списков Есиповской летописи, датированном концом XVII - началом XVIII века: «...ибо благодерзновенно обличил еси законопреступных ляхов, сего ради истомления многа претерпел...» . Это самый ранний источник из известных нам на сегодняшний день, а следовательно, он заслуживает большего доверия, чем все остальные.

Безусловно, иерей Петр – личность не вымышленная, а историческая. Не вызывает никакого сомнения и сам факт разграбления церкви, напавшим на Черевково отрядом поляков. А вот дата события явно ошибочная, здесь отдана дань широко чтимому на Севере Святому Прокопию Устюжскому. Он был канонизирован Московским собором 1567 года и день его памяти приходится на 8 июля (пр. ст.) . На самом деле разорение храма произошло в январе 1613 года. Шайка «воровских людей» под предводительством атамана Яцкого напала на Черевково, направляясь от Холмогор в сторону Великого Устюга. «Намерение свое – ийти к Великому посаду, что на Двине близко моря – поляки-литовцы осуществили и на обратном пути пошли от Холмогор вверх по Двине реке «рыкая вельми, яко лютии зверие». 22 января 1613 года они приступили с южной стороны к богатому Сольвычегодску», - писал в XIX веке исследовавший эту тему вологодский краевед Иван Суворов . Поход осуществлялся поляками с целью грабежа. Ценности в то время были сосредоточены в основном в церквях, монастырях и посадах. Попутно грабились и крестьянские хозяйства, но у них захватчики отбирали только продукты для пропитания и фураж для лошадей. Содержание завоевателей за счет местного населения для того периода факт настолько обычный, что никакого удивления не вызывал. Иное дело разграбление церкви, да еще с мученической смертью ее настоятеля. Такое надолго сохранялось в народной памяти.

Согласно дошедшим до нас сведениям иерей Петр вел благочестивый образ жизни и был истинным пастырем и отцом своего прихода. Особенными отличительными чертами его были бескорыстие, нестяжательность, нищелюбие и глубокое смирение. Весь свой доход он делил на три части, «...из которых одну употреблял на храм Господень, другую раздавал нищим, а третью оставлял на содержание своего семейства». Этим он еще при жизни сыскал истинное уважение и любовь среди своей паствы . После смерти чувства прихожан к «блаженному старцу» не только не уменьшились, а наоборот усилились, более того со временем в народе стала крепнуть вера в святость мученика. Вследствие этого 20 ноября 1655 года причтом Черевковской Никольской церкви по просьбе прихожан была отслужена панихида по иерею Петру, после совершения которой некая старица Анастасия рассказала всем, «...что она молитвами иерея Петра исцелилась от неизлечимой болезни, ибо одержима была долгое время бесом, который бросал ее на землю каждый день и мучил по долгу, но Угодник явился ей в светлом виде и заповедал молиться у гроба новоявленного Петра Чудотворца» .

Согласно преданию, вскоре после этого события, в 1656 году, вблизи деревянной Никольской церкви по правую сторону алтаря показался на поверхности земли неизвестный гроб. В то же время многим людям стал являться в видениях человек в священническом облачении, «...повелевая им, дабы священницы с клиросом пришедше на той гроб пения и молитвы панихидные пели» . Весть о случившемся быстро распространилась в черевковской округе, и многие люди стали приходить на кладбище и просили духовенство совершать над гробом панихиды. Однако, открыть сам гроб никто не посмел, усердствующие прихожане лишь брали от него землю и по вере своей, вскоре получали исцеление от постигших их недугов. Поскольку среди народа не было полной уверенности чей это гроб, а кое-кто и вовсе не верил в происходящее, «почитая то делом случая или выдумками и баснями», то и происходивших чудес никто не записывал .

Церковный причт поначалу скептически относился к сообщениям своих прихожан. Так продолжалось до 23 июня 1657 года. В тот день местная Никольская церковь загорелась от удара

молнии и одна из горевших стен обрушилась на гроб, покрыв его пылавшими головнями. К изумлению свидетелей пожара неведомый гроб не только уцелел в беспощадном огне, но и ничуть не пострадал. Еще более смутило умы причта и прихожан сообщение церковного сторожа Лаврентия Семенова, который поведал, что, будучи оставленным, в ночь на 24 июня для охраны расплавленного в огне «сребра и меди», он видел над гробом «столп огненный», необыкновенно светившийся до самого рассвета. Когда сторож, думая, что снова что-нибудь загорелось «в велице страхе», приближался к источнику свечения, сияние становилось невидимым, а когда отходил, то оно появлялось вновь. В сказании четко проводится мысль: «... пожар церкви как бы для того именно и был допущен Провидением, чтобы во время его показать чудесное сохранение от огня небрегомаго гроба и тем обратить на него внимание народа». И действительно, это событие окончательно убедило всех, что явившийся гроб не иной чей, как мученика иерея Петра и что рассказы о происходивших от него исцелениях и явлениях самого мученика многим лицам не были досужим вымыслом суеверных людей, а совершенная истина. Цепь чудесных событий и исцелений привела к логическому результату - церковный причт и прихожане, возблагодарив Бога, прославившего своего иерея-мученика и даровавшего им в нем нового небесного заступника и чудотворца, вскоре над гробом Угодника воздвигли деревянную часовню. Вероятно тогда же впервые было письменно оформлено предание об иерее Петре, в котором нашли отражение все вышеназванные события. С этого же времени стали тщательно записывать и все чудесные исцеления, происходившие от его гроба.

Безусловно, сегодня нельзя со стопроцентной уверенностью подтвердить или опровергнуть реальность происходивших событий, но совершенно очевидно одно - известные нам чудеса Угодника не являются поздней выдумкой «заинтересованных лиц», - большинство из них было записано «по горячим следам». Данное утверждение подтверждает в частности автор «Церковно-исторического описания ...1854 года», судя по всему лично ознакомившийся с подлинным источником. Он прямо указывает, что текст рукописи непосредственно хранившейся в Черевковской церкви писался «в разные времена». Чтобы лишний раз убедиться в этом проведем соответствующий анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов. Объектом изучения возьмем текст «Чудес Святого Чудотворца Петра Черевковского» содержащийся в списке № 15 Сибирской Есиповской летописи, которая ныне находится на хранении в фондах Российской национальной библиотеки в г. Санкт-Петербурге. Названный список датируется концом XVII - началом XVIII веков и содержит описание 29 чудес.

В перечне чудесных исцелений наше внимание привлекли достаточно подробные сведения о большинстве исцелившихся людей. Речь идет о крестьянах Черевковской и соседних с ней волостей: Сидоровой Едомы, Пермогорья, Ягрыша и Малой Пинежки. В летописи приведены их имена, отчества, фамилии и принадлежность к конкретной волости. Такая детализация, вероятно, должна была подчеркнуть достоверность излагаемых событий. Поскольку сегодня невозможно доказать наличие чудесных исцелений происходивших в Черевкове от гроба Угодника, то мы попытались проверить хотя бы существование в XVII веке указанных в источнике лиц. Для этого были привлечены материалы писцовых и переписных книг 1626, 1668 и 1677-1678 г.г. по Черевковской волости, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов в г. Москве. Наши ожидания оправдались: из 29 приведенных в летописи личностей удалось подтвердить существование 10 человек, то есть более 34%. А если считать только черевковских крестьян, то соотношение будет еще выше и составит 55%. В подтверждение сказанному приведем всего несколько характерных примеров.

1. Летопись сообщает, что 25 июня 1657 г. крестьянка Черевковской волости Татьяна, дочь Исидора Дорофеева «по наречению Шашковых», получила исцеление у гроба иерея Петра от мучившей ее долгое время «трясавичной болезни». В переписной книге 1668 г. Татьяна Шашкова

не упоминается, так как писцовые документы XVII в. фиксировали только лиц мужского пола. Зато в этом источнике удалось найти сведения об ее отце - крестьянине деревни Наумцево Черевковской волости Сидорке Дорофееве Шашкове .

2. Спустя пять дней 30 июня того же года крестьянин Кондратий Симеонов «названием Черепановых» после явления ему мученика Петра и молебна, который был отслужен у горба чудотворца, избавился от паралича правой руки. Непосредственно Кондрата Черепанова выявить не удалось, но в писцовой книге 1626 г. найдено упоминание об его отце – Сеньке Черепанове, крестьянине дер. Мелехинский починок на Коровье ручью Черевковской волости. По переписной книге 1677-1678 г.г. в той же деревне установлены дети Кондрата – Якушко и Трифонко Кондратьевы Черепановы .

3. «Тоя же волости с Лудонги реки христианин Иван Дмитриев Ташлыков был немощен черною болезнию четыре года. И пришед к гробу святого, повелев иереям пети молебная, и молитвами святого к тому здрав бысть». В 1677-1678 г.г. в деревне Олешинской на речке Лудонге Черевковской волости по данным переписной книги числился Ивашко, сын Митьки Симанова Ташлыковых. Впечатление еще более усиливается, если учесть, что и в летописи, и в переписной книге место проживания Ивана Ташлыкова уточняется привязкой к речке Лудонге.

Результаты сопоставления материалов Есиповской летописи и писцовых книг могли быть еще более показательны, если бы не экономическая обстановка семидесятых годов XVII в., когда тяжелый пресс налогов царя Алексея Михайловича привел к разорению огромного количества чернососного крестьянства Русского Севера. Поэтому переписные книги 1668 и 1677-1678 гг. не зафиксировали тех крестьян, которые в 50-е - начале 60-х гг. еще жили в деревнях указанных волостей, а к концу шестидесятых годов оставив свои дворы «впусте», «збрели безвестно». В частности, в то время полностью запустела волость Сидорова Едома, где согласно сведениям летописи жили три человека исцелившихся от гроба Угодника. Значительно пострадали тогда и деревни Черевковской волости. По этой причине нам не удалось установить связь распространенных черевковских фамилий Ореховых, Мамоновых и Агиевых с конкретными людьми, названными в летописи.

В 1718 году было записано последнее чудо от гроба Угодника, в котором сообщалось о том, что одному больному, получившему исцеление, явился иерей Петр и повелел написать его образ, что исцелившимся и было сделано . Таким образом, к 1718 году в отношении Петра Черевковского наличествовали практически все признаки почитания святого – написание образа, тропаря и кондака, а за отсутствием жития святого имелась записка о его посмертных чудесах . Особо следует отметить, что с момента чудесного сохранения гроба от огня в 1657 году и вплоть до 1718 года священномученику Петру уже служились не панихиды, а пели молебны, что также является неотъемлемой и обязательной частью почитания святого .

Очевидно, что все шло к официальному прославлению святого угодника, но начавшаяся в 1721 году по инициативе Петра I церковная реформа не позволила довести дело до логического результата. Петровская «реформа благочестия» на несколько десятилетий приостановила официальную канонизацию святых, чем нанесла серьезный удар по одной из основ русской религиозности. Более того, с прекращением канонизации все новообретенные мощи оказались, в смысле правильного церковного почитания, совершенно «безнадежными», а само разглашение о них рассматривалось почти как преступление. Это было четко продекларировано «Духовным регламентом», согласно которому архиереи должны были «назирать», «дабы неведомых и от церкви несвидетельствованных гробов напрасно не почитали» . Поэтому вполне естественно, что епископы стали самыми активными участниками в развернувшейся кампании по борьбе с суевериями на местах. По-видимому, в рамках означенной кампании в двадцатые годы XVIII века

гроб с мощами иерея Петра был вновь предан земле. Однако наложенный запрет на его почитание ничуть не охладил и не поколебал веры народа в блаженного страдальца, паломники продолжали идти к могиле Угодника. Очевидно, что официальные власти были вынуждены смириться с народным почитанием святого и спустя некоторое время разрешили служить над его гробницей панихиды. В результате со временем в Черевковском приходе сформировалась традиция служения панихид иерею Петру в каждый воскресенья, а в день страдальческой кончины мученика между утреней и литургией собравшемуся народу читалось вслух сказание о его чудесах

Так продолжалось до 1854 года, в котором, в связи с возросшей популярностью святого, им вновь заинтересовались в епархии и на время изъяли для ознакомления и снятия копии сказание о чудесах мученика, которое за ненадобностью, правда, вскоре вернули обратно в приход. Однако, событие, случившееся в 1859 году, когда в часовне вскрыли верхнюю гробницу, и обнаружили там более древний памятник и приняли его за гроб святого, вновь появившийся на поверхности земли, вызвало волнения среди черевковских крестьян и привело к началу нового дела по духовному ведомству. В итоге образ иерея Петра был увезен по распоряжению епископа Христофора в архиерейский дом в Вологду, а служение панихид приостановлено. Тогда же вторично было увезено в консисторию и подлинное описание чудес святого. Оно было возвращено лишь после рассмотрения дела Святейшим Синодом, который своим указом от 20 октября 1860 года разрешил по-прежнему служить панихиды об упокоении души иерея Петра. Однако, поданное в апреле 1877 года на имя епископа Вологодского и Тотемского Феодосия прошение 455 домохозяев Черевковской волости об возвращении иконы муч. Петра иерея Черевковского осталось без внимания, а изъятый ранее образ иерея Петра в том же году был перевезен в Вологду в епархиальное хранилище. А в апреле 1896 года перемещен в древнехранилище, где след его окончательно теряется до наших времен